

*Посвящается группе,
с которой мы стояли лагерем на горе*

Я одна. Еды у меня совсем немного.
Температура воздуха опускается.

За мной никто не прилетит.

Вскоре начнется зима, и здесь можно умереть по множеству причин. Если не от холода, то от голода. Если не от голода, то от холода. Или меня растерзает дикий зверь. Или вернутся те мужчины...

Но я еще не умерла, и кто-то должен об этом знать. Кто-то должен узнать правду о случившемся. Поэтому я пишу. Как могу. Отрывочно, обрывками, потому что в голове все перепуталось и мысли распадаются на куски.

У этой истории два начала. Она берет отсчет то ли на забетонированном летном поле Аляски, то ли на берегу озера, где я сейчас стою под проливным дождем, а рядом догорают остатки дома. Дождь льет стеной, бревна медленно тлеют, кое-где еще мерцают алые искры — все вокруг выглядит ужасно.

Я расскажу вам обе истории: о том, что случилось до гибели моего отца, и о том, что было после. А когда закончу или настолько ослабею, что не смогу больше писать, оставлю тетрадь там, где когда-то стоял дом. Может быть, если кто-то

прилетит сюда — искать нас или искать меня, — он ее найдет.

Если вы читаете эти строки, значит, я, скорее всего, уже мертва. Но какое-то время мне удавалось держаться.

Меня зовут Джесс Купер, и я еще жива.

ЛЕТО

До того, как...

Мне пришлось лететь на двух самолетах, чтобы добраться до места на Аляске, где жил отец, — то есть места, где, как я думала, он жил. После пересадки на второй рейс я весь полет разглядывала его фотографию. Мама уничтожила все снимки, на которых они были вдвоем, но оставила этот, где он один, — для меня. Во время полета я сжимала его в руке, боясь, что не узнаю отца. Или он не узнает меня. Мы могли спокойно пройти мимо друг друга и даже не понять этого.

На фотографии он стоял в лесу в голубом дождевике. В воздухе висел туман, а у его губ — густое облако пара. Борода требовала стрижки. Яркие глаза были слегка прищурены, в уголках «гусиные лапки» — казалось, он смеялся перед тем, как сделали этот кадр. К моменту, когда я ступила на летное поле и оглядела небольшую группу встречающих, я уже запомнила каждую черту его лица.

Но его не было. Я представляла, что в бороде у него появилась седина, что он мог сбрить ее или отрастить длиннее. Вместо мелких морщинок в уголках глаз, которые появляются, когда много смеешься, его лицо должны были прорезать глубокие складки, как у тех, кто часто хмурится. Ведь он не мог быть счастливым, раз бросил жену и ребенка. Но как бы

я ни меняла его образ в голове, он не совпадал ни с одним из встречающих. Они все уже покинули летное поле вместе с остальными пассажирами моего рейса.

Остался только огромный мужчина в желтой дутой куртке. Он прищурившись смотрел прямо на меня, но не двигался, не махал, не подавал никаких знаков. Из-под выцветшей бейсболки торчали густые рыжевато-каштановые волосы.

Я повесила сумку на плечо. Наверное, отец прислал кого-то за мной. Я пошла по летному полю, слегка подволакивая правую ногу. Я все еще не могла ее нормально поднимать, и подошва шаркала по бетону. Мужчина наблюдал за моим медленным продвижением, но с места так и не сдвинулся.

— Привет, — поздоровалась я, приблизившись к нему. Слово прозвучало так, словно птичка чирикнула, — пронзительно, с легкой дрожью. — Я Джесс. Вас прислал мой отец?

— Джесс? — переспросил мужчина и почесал бороду. — Я должен встретить Секвойю. Хотя, может, я что-то перепутал.

Он посмотрел мне за спину, словно ожидал там обнаружить другую девушку.

— Это я. Джесс — мое второе имя. Я никогда не представляюсь Секвойей.

— О, отлично. — Улыбка сделала его менее устрашающим, хотя его ладонь все равно могла бы накрыть мою голову. — Карл ждет.

Он развернулся и пошел до того, как я успела вспомнить, что так зовут моего отца. Карл Грин. Не Купер — мама не меняла девичью фамилию.

— Значит, он вас прислал? — спросила я его спину, стараясь не отстать.

На каждый его шаг приходилось три моих, и вместо того, чтобы идти медленно и осторожно, не напрягая больную ногу, мне приходилось нестись, пошатываясь и прихрамывая. А мой физиотерапевт строго-настрого запрещал такую нагрузку — только медленная, ровная походка, сохраняя равновесие. И тогда, когда-нибудь, я начну ходить почти нормально.

— Угу, — буркнул он.

Я уже запыхалась, когда мы добрались до забора, отделявшего крохотное летное поле от парковки. Тут он остановился, оглянулся на меня и часто заморгал.

— Прости. Хочешь, я понесу твою сумку?

Я покачала головой, перекинула тяжелую брезентовую сумку вперед и скрестила на ней руки.

— Не надо, — ответила я сквозь зубы.

Он потер ладонью затылок.

— Я забыл, что ты... инвалид. Это правильное слово? Или надо говорить как-то по-другому? Думаю, «инвалид» — это неправильно. Прости.

— Все нормально.

Я не хотела продолжать этот разговор и была благодарна, что он просто кивнул. Но теперь он шел медленнее, украдкой поглядывая на меня. Такой темп мне подходил. Я сосредоточилась на том, чтобы полностью отрывать стопу от земли. Если буду волочить ногу — упаду. А падение — худшее, что можно сделать для заживающих мышц, сухожилий и костей.

До аварии я и подумать не могла, насколько хрупко человеческое тело. И только в последующие

за ней месяцы поняла, как плохо оно восстанавливается. Некоторые части меня уже никогда не станут прежними.

— Меня зовут Грифф, — внезапно сказал мужчина, не останавливаясь.

Я лишь кивнула.

Вот что вам нужно знать про Гриффа.

Вероятно, он самый добрый человек из всех, кого я встречала, хоть и немного странный. Он выглядит как горец, но утверждает, что это маскировка. Еще он говорит, что горцы не едят тех, кого считают своими. Он часто шутит в таком духе, но с каменным лицом — никогда не угадаешь, шутка это или очередная странность, в которую он верит. Если засмеешься невпопад — он лишь грустно посмотрит. Он любит желтый цвет. Иисус — его личный спаситель. И если кто-то и прилетит за мной, то только он.

Но если он и прилетит — то не раньше, чем через несколько месяцев. А может, и никогда.

В эти дни я много о нем думаю. Он в списке, который крутится у меня в голове целыми днями: мама, Скотт, Уилл, отец, Грифф, Лили. Джордж появляется редко — потому что Джордж придурак. Мишель, Ронни. На этом люди, которых я по-настоящему знала, заканчиваются, и я начинаю вспоминать случайные лица: парня, у которого покупала мороженое за день до аварии; женщину с тремя белокурами детьми на заправке, которая стояла у минивэна, приложив руку ко лбу, будто не решаясь сесть за руль; пилота первого самолета на Аляску — он знал мою маму и пригласил меня в кабину, где мы молча сидели, оба

с грустными лицами, пока я не вернулась на свое место в салоне.

Я думала, что буду все время думать о еде, но пока я вспоминаю людей.

* * *

Тогда я побаивалась Гриффа — не просто опасалась, а именно боялась! И это было разумно: странный мужик сказал мне сесть в машину. Вроде безопасно. Да и выбора у меня не было. У меня был номер отца, и я даже пробовала ему звонить во время пересадки, но автоответчик сообщил, что номер не обслуживается.

Наверное, мне тогда следовало вернуться в Сиэтл. Объяснить соцработнику, что что-то случилось, и потому я не могу жить с отцом. Но я не повернула назад, когда не дозвонилась. Не повернула и когда меня встретил Грифф.

Оказалось, что Грифф ездит на микроавтобусе, который, похоже, был старше его самого. На заднем сиденье — куча пакетов от еды, бутылки из-под газировки, спальник, три крепких картонных коробки, чемоданы и две пары обуви. С переднего сиденья Грифф смахнул какие-то чеки и квитанции, которые зашуршали, когда я уселась, поставив сумку между ног.

— У тебя не очень много вещей с собой, — заметил Грифф.

— Мне много и не нужно, — ответила я.

Адвокат, занимавшийся продажей дома, снял для остального хранилище. Я смогу забрать эти вещи, когда захочу. Он сказал, что все будет ждать меня в целости и сохранности. И будто давал мне разрешение

не вспоминать. Я не хотела думать о прошлой жизни — я слишком любила ее. И очень любила маму. Я могла все запереть и забыть до тех пор, пока раны не затянутся — сколько бы времени ни потребовалось. Думала, что когда научусь снова ходить, не думая о каждом шаге, — тогда, может, и вернусь в Сиэтл, и все вспомню.

Грифф молчал. Мы долго ехали в тишине, пока я не поняла, что мы движемся не в ту сторону.

— Мне казалось, что папа живет в городе, — заметила я.

— У него есть дом в городе, — ответил Грифф. — Но он там не живет. Ты все увидишь.

— Разве мне не стоит знать, куда я еду?

— Адрес тебе все равно ничего не скажет. Я доставлю тебя к отцу — это главное.

— Ладно, — согласилась я.

Я смотрела в окно. Город закончился. Изредка попадались серые дома, будто стыдящиеся того, что вторгаются в дикий пейзаж. Дорога была вся в ямах и трещинах. Рука потянулась к больной ноге — дорога напоминала мою кожу, только серую вместо красной.

Потребовалось несколько часов, чтобы извлечь все стекло. Шрамы остались и на плече, шее и лице. На лице — глубокие и красные. Люди на них пялились.

Но мне они нравились. На тех, кто пялился, я могла смотреть в ответ — прямо в глаза. Но ничего не могла поделать с теми, кто смотрел на мою хроющую ногу.

Вдруг Грифф запел. Фальшиво, многие слова проглатывал, так что я не смогла определить песню, в такт которой он качал головой и постукивал по

рулю. Потом он включил печку. Машина дребезжала, колеса скрипели и подпрыгивали на ухабах, сзади что-то гремело и перекатывалось. А затем на дороге появился медведь.

Грифф сбросил скорость, но не остановился, и медведь убежал в лес.

— Ты только посмотри, как он драаапает! — протянул Грифф гнусаво, и я рассмеялась.

Он улыбнулся, и вот мы уже смеялись вместе. Над нами — серо-голубое небо, вокруг — густой, непроходимый лес. Дикая местность. Я смеялась впервые после смерти мамы, по ощущениям — словно отхаркивала репей. Мне было хорошо, хотя поняла я это только потом.

— Драаапает, — повторил Грифф.

И, проехав следующие несколько сотен километров, мы стали друзьями.